

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 4
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 81'44; 811.221.18
ББК 81.2-2
DOI 10.18522/1995-0640-2021-4-43-56

**ВИДЫ ЗНАЧЕНИЙ МОНОТЕМПОРАЛЬНОЙ
И ПОЛИТЕМПОРАЛЬНОЙ ПОВТОРЯЕМОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ
И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)**

Алина Афакоевна Левитская

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, Россия

Аннотация. Исследование универсальных семантических типов неоднотемпоральности – мультипликативной, дистрибутивной, итеративной на материале осетинского языка обнаруживает существенные расхождения в обозначении аспектуально-акциональных особенностей протекания действия в моно- и политемпоральных планах, особенно итеративности, находящейся в отличие от русского языка, в сфере действия отдельной грамматической категории кратности, и доказывает, что различные интерпретации одних и тех же объективных сущностей носителями разных языков – важнейшая характеристика языковой картины мира, которая заметно отличает даже родственные языки.

Ключевые слова: мультипликативность, дистрибутивность, итеративность, акциональность, монотемпоральность, политемпоральность, вид, грамматическая категория кратности

Для цитирования: Левитская А.А. Виды значений монотемпоральной и политемпоральной повторяемости в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским языком) // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2021. № 4. С. 43 – 56.

Original Article

**KINDS OF VALUES OF MONOTEMPORAL AND
POLYTEMPORAL REPEATABILITY IN MODERN OSSETIAN
LANGUAGE AND WAYS OF THEIR EXPRESSION
(IN COMPARISON WITH RUSSIAN LANGUAGE)**

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania,
Vladikavkaz, Russia

Abstract. The study of the universal semantic types of repetition - multiplicative, distributive, iterative on the material of the Ossetian language reveals significant

discrepancies in the designation of aspectual-actional features of the course of action in mono- and polytemporal plans, especially iteration, which is, in contrast to the Russian language, in the sphere of action of a separate grammatical categories of multiplicity, and proves that different interpretations of the same objective entities by speakers of different languages is the most important characteristic of the linguistic picture of the world, which noticeably distinguishes even related languages.

Key words: *multiplicativity, distributivity, iteration, action, monotemporality, polytemporality, type, grammatical category of multiplicity*

For citation: *Levitskaya A.A. Kinds of Values of Monotemporal and Polytemporal Repeatability in Modern Ossetian Language and Ways of their Expression (in Comparison with Russian) // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2021. № 4. P. 43 – 56.*

Введение

Среди всех типов множества действий, процессов, состояний традиционно выделяются такие типы множеств внеязыковых ситуаций, как мультипликатив, дистрибутив, итератив, с которыми соотносятся универсальные семантические типы неоднократности, так или иначе выраженные во всех языках мира – мультипликативная, дистрибутивная, итеративная [Храковский, 2001, с. 133 – 152].

В современном осетинском языке мультипликативная неоднократность представлена нехарактеризованным и четырьмя характеризованными способами действия (СД): *повторно-возвратным СД* [Левитская, 2019, с. 21 – 33]; *дискретно-многоактным СД* [Левитская, 2020а, с. 75 – 89]; *собираательно-многоактным СД* и *результативно-многоактным СД* [Левитская, 2020б, с. 105 – 117].

Цели и задачи

Современному осетинскому языку свойственна особая организация грамматического строя в сфере обозначения характера протекания и распределения во времени действия (процесса, состояния), заметно отличающая его от близкородственных иранских языков и очень сближающая со славянскими, особенно с русским. Цель данной статьи – сравнить интерпретации одних и тех же объективных сущностей, а именно моно- и политемпоральной повторяемости действий как фрагментов функционально-семантического поля аспектуальности, в языковой картине мира у носителей русского и осетинского языков. Достижение этой цели предполагает исследование способов обозначения кратности действия, установление универсальных и идиоэтнических смыслов в их уникальных комбинациях, отражающих особый взгляд на мир каждым из сопоставляемых языков.

Исследование и его результаты

Значения дистрибутивной неоднократности реализуют приставочные глаголы с *фæ-* (в инфинитиве, прошедшем и будущем временах), выступающие аспектуально-акциональными параллелями русских глаголов таких характеризованных СД, как *дистрибутивно-суммарный СД* («В эту ночь они **перетаскали** из склада в «Сенях» бутылки с горю-

чей жидкостью на «Шанхай» (145) // «Уыцы æхсæв уыдон, «Сенякийы» цы скълад уыдис, уырдыгæй **фæхастой** «Шанхаймæ», судзаг хæццæ цы æвгтæ уыдис, уыдон» (183)⁴; кумулятивный СД («И Вырикова, а потом Лядская... **назвали** всех комсомольцев и всех видных ребят, которые остались на «Первомайке» и в поселке Краснодон (588) // «Æмæ сын **фæдзырдтой** (букв.: «**поназывали**». – А.Л.), Пермомайкæйы æмæ Краснодонны посёлочы чи баззад, уыцы фæскомцæдисонты, стæй иннæ зынгæ фæсивæды дæр иууылдæр» (750)); тотальный СД («Рядовой солдат, он **исходил** ногами ту самую донецкую степь, через которую мчался на вездеходе» (34) // «Солдатæй фистæгæй **фæцыди**, ныр йæ машинæйæ кæуыл тахти, уыцы донецаг быдырты» (42); чрезмерно-кратный СД («И душа моя **изболится**, глядячи на вас... (223) // «Стæй удæй дæр **фæрисдзынен** сыхмахæ кæсгæйæ...» (282)).

Мультипликативность и дистрибутивность объединяет принадлежность к монотемпоральному типу собирательной неоднократности в отличие от политемпорального итеративного (дискретного) типа [Храковский, 2001, с.152].

Осетинские приставочные глаголы с *фæ-* (в инфинитиве, прошедшем и будущем временах) характеризуют монотемпоральную кратность действия не только при выражении значений пантивной суммарности, но и в качестве функционально-переводных эквивалентов русских глаголов СВ и НСВ при обозначении последними других вариантов значения монотемпоральной кратности действия.

Например, присутствие значения кратности в наборе аспектуально-акциональным сем наблюдаем в осетинских приставочных глаголах с *фæ-* в тех случаях, когда они выступают функционально-переводными эквивалентами разновидности русского НСВ в конкретно-процессном типе употребления, называемой конативной [Бондарко, 1980, с. 606] или конативно-тендентивной [Маслов, 1959, с. 308], например: «Его *уговаривали* остаться ночевать. Но он *ушел* (539) // *Фæдзырдтой йын, æхсæвиат бакæ, зæгъгæ. Фæлæ уæддæр ацыд*» (756).

По мнению А.В. Бондарко, в подобного рода высказываниях «конкретный процесс представлен как стремление, направленное на достижение цели, как попытка. Последующий контекст указывает на безуспешность или успех этой попытки... Модальный элемент такого употребления заключается в том, что внимание концентрируется на стремлении к достижению результата, который еще не стал или вообще не становится реальностью. Смысл предложений подобного типа может быть истолкован при помощи сочетаний: 'пытался, пробовал уговаривать' и т.п.» [Бондарко, 1980, с.606].

В свою очередь, А.А.Зализняк, А.Д.Шмелев считают, что в таких случаях «мы имеем дело не с каким-то особым значением вида, а с актуализацией – в контексте противопоставления – некоторого компонента лексического значения. Это значение возникает лишь у глаголов, в значение которых входит идея попытки, которая может быть успешной или неуспешной (соответствующий семантический компонент значения гла-

гола иногда тоже называют конативным), например: *уговаривать* <кого-точно-то сделать>, *поступать* <в университет>, *сдавать* <экзамен>, *доказывать* <свою правоту>, *убеждать* <кого-то в чем-то> и т.п.» [Зализняк, Шмелев, с.22].

На наш взгляд, из вышеприведенных трактовок употреблений русских итеративов в подобных высказываниях (пусть даже с оговоркой о том, что речь идет об определенной семантической группе!) не ясно: и в нашем высказывании, и в других, подобных ему, имеется в виду одна попытка или несколько? Ясность вносят лексические показатели, контекст. Сравним: 1) *Его долго уговаривали остаться. Но он ушел.* В данном варианте актуализировано конкретно-процессное значение НСВ. Речь идет о процессе как попытке достигнуть определенный результат. 2) *Все присутствующие по очереди уговаривали его остаться. Но он ушел.* Здесь актуализировано неограниченно-кратное значение, т.е. речь идет о нескольких попытках. 3) *Его уговаривали остаться. Но он ушел.* Определенного ответа нет. Имплиcitная кратность действия «уговоров» не исключается.

Это пример из таких случаев употребления русского итератива, о которых справедливо утверждение, что «именно неглагольные элементы контекста обеспечивают либо конкретно-процессное, либо неограниченно-кратное истолкование формы НСВ» [Храковский, 2001, с. 146]. А в осетинской версии присутствие глагола с *фæ*- «перетягивает» в пользу актуализации значения кратного характера действия, представленного как монотемпоральное, как обобщенный факт объективно кратного действия. Буквально смысл следующий: *Сказали ему неоднократно: «Останься, мол, на ночлег, переночуй. Но он все равно ушёл».*

В связи с вышеизложенным, точка зрения А.А. Зализняка и А.Д. Шмелева о невидовой (лексико-семантической) природе значения конативности в подобного типа употреблениях представляется нам более приемлемой, поскольку сама по себе грамматическая форма русского глагола (вне контекста, без лексических показателей) не является, так сказать, самодостаточной для выражения значения конативности.

В осетинской версии и ей подобных на первый план выступает значение итеративности действия. Речь идет о монотемпоральной итеративности, представленной как обобщение однородных ситуаций, совершившихся в один период времени, который мог быть сколь угодно кратким или сколь угодно длительным. Что касается выражения значения «имперфекта безуспешной попытки» [Маслов, 1978, с.16] как видового, то для выражения этого значения в современном осетинском языке используется граммема НСВ – приставочный глагол с инфиксом *-цæй-* (имперфектив), противопоставляемая граммеме СВ – приставочному глаголу (без этого аффикса!) как носителю потенциала частных значений СВ (перфективу) [Левитская, 2004, с.29-30]. Приведем примеры употребления осетинских глаголов в конативной (конативно-тендентивной) разновидности:

1) *Стёна Сафонов фæцæйцыди* Валямæ, фæлæ чызг фæрасти Туркеничмæ 627) // *Стёна Сафонов устремился было* к Вале, но она уже пошла с Туркеничем (452);

2) *Уæрдон фæцæйфæлдæхти*. Фæлæ та фæстæмæ йæ цæлхытыл æрхауд (61) // *Устойчивая, длинная, вместительная телега было опрокинулась*, но снова стала на колёса (49) и др.

В подобных примерах значение «безуспешной попытки», т.е. значение «недостижения результата действия», связано с тем, что начатое действие прерывается. Осетинской формой глагола НСВ с инфиксом *-цæй-* реализуется еще одна разновидность значения попытки, которую точнее было бы назвать «попыткой, намеченной к реализации», потому что речь идет о значении «готовое к совершению, но не совершившееся, даже не начавшееся действие». Например:

1) «Ведь я едва ребят уговорил, чтобы они не **пошли** на помощь к тебе» (401) // «Тыхтæ-амалтæй баурæдтон фæсивæды, агурæг дæм **фæцæйцыдысты**» (510) (букв.: чуть было не пошли – А.Л.);

2) «Потом мне отпуск дали, а после отпуска я **попала бы** в другую часть, а я упросила коменданта, и он меня устроил в эшелон к нашим...» (313) // «Уый фæстæ мæ суæгъд кодтой мæ фæллад суадзыны тыххæй, фæллад суадзыны фæстæ æндæр æфсæддон хаймæ **фæцæйхаудтæн**, æз та комендантæй ракуырдон, сразы кæнын æй кодтон, æмæ мын нæхионты эшелоны бынат скодтой» (393) и др.

Приведенные примеры функционирования осетинского имперфектива (формы с инфиксом *-цæй-*) подтверждают мысль В.С. Храковского: «Тезис о том, что имперфектив может обозначать только процессуальную составляющую (срединную фазу) события, выражаемого исходным перфективом, является неточным» [Храковский, 2018, с.108]. Очевидно, что осетинский имперфектив кроме конкретно-процессного значения обозначает и другие частновидовые значения, в частности, значения «недостижения результата действия» в обеих его разновидностях – «безуспешной попытки» или «запланированной попытки», которые выражаются самой глагольной формой и, безусловно, подкрепляются контекстом. В отличие от ситуации в русском языке, где глагольная форма НСВ сама по себе, вне контекста, не может однозначно выражать только конкретно-процессное или только неограниченно-кратное, в осетинском, благодаря разделению «сфер влияния» между грамматическими категориями вида (НСВ/СВ) и политемпоральной кратности, вышеназванные категориальные значения выражаются соответствующими специальными грамматическими формами [Левитская, 2004, с. 29 – 30]².

Следующий пример интересен тем, что позволяет увидеть различия между обозначением разных типов употребления русского НСВ (при соотнесении с ситуациями повторявшегося действия) средствами двух осетинских грамматических категорий: «*Но иногда он вспоминал всю свою жизнь и войны, в которых сам **участвовал***» (197) // «*Фæлæ-*

иу хаттæй-хатт йæ зардыл æрбалæууыди йæ цард æппæт дæр æмæ йæхæдæг цы хæстыты фæцис, уыдон» (250).

В первом случае неограниченно-кратное политемпоральное значение итератива *вспоминал* усиливается обстоятельством интервала *иногда*, которое подчеркивает некую не вполне определенную, но, несомненно, политемпоральную периодичность процесса воспоминаний, поэтому в осетинской версии наблюдаем употребление граммемы *йæ зардыл æрбалæууыди-иу* (букв.: *вспомнил неоднократно*), выражающей значение политемпоральной кратности, которое подкреплено обстоятельством *хаттæй-хатт/иногда; от раза к разу; по временам; изредка*.

Во втором случае русскому глаголу НСВ *участвовал*³ (*в войнах*) определяющим моментом в выборе осетинской формы, адекватной аспектуальным смыслам русского глагола, является то, что русский глагол функционирует в перфектной разновидности обобщенно-фактического типа употребления НСВ, когда глаголом в форме прошедшего времени «констатируется такое наличие или отсутствие факта в прошлом, которое характеризует состояние субъекта в данный момент» [Бондарко, 1980, с. 612]. Поэтому в осетинской версии выступает приставочный глагол СВ с *фæ*-, выражающий значение монотемпоральной кратности действия, представленного как обобщенный факт. Таким образом, для разных типов функционирования русского НСВ наблюдаем разные осетинские грамматические параллели: неограниченно-кратному политемпоральному типу употребления русского НСВ соответствует употребление осетинской граммемы кратности с аналогичным значением, а перфектной разновидности обобщенно-фактического типа употребления русского НСВ, когда при обозначении действия несущественно, «является ли действие единичным или повторяющимся, – важно то, что оно было», [Бондарко, 1980, с. 611], соответствует осетинский глагол СВ с *фæ*- с дополнительной семантикой неоднократности действия, близкой русскому глаголу *побывал* (букв.: «*войны, на которых он сам бывал*» – А.Л.).

Выражение осетинскими глаголами СВ с приставкой *фæ*- значения монотемпоральной кратности при передаче аспектуальных смыслов русских глаголов НСВ в обобщенно-фактическом типе употребления наблюдаем и в таких высказываниях, когда общий контекст политемпорален, но политемпоральность присутствует в тексте имплицитно, поскольку для общего смысла высказывания не существенно, является ли действие единичным или повторяющимся, – важно то, что оно имело место быть. Например: «*Вот о чём (в контексте: «о разного рода опасностях» – А.Л.) всё чаще думал Филипп Петрович, грузно ворочаясь на постели в тёмной своей комнатке, и сон бежал от него. И ещё он думал о том, что время идёт, идёт...»* (516) // «*Гæ уыдæттыл арæхæй-арæхдæр хъуыды кодта Филипп Петрович, уыцы уæззауæй йæ чысыл талынг уаты йæ хуыссæны ратул-батул кæнгæйæ, æмæ йæ хуыссæг фæлыгъди. Стæй ма ноджыдæр хъуыдытæ кодта, рæстæг кæй цæуы, ма кæй цæуы, ууыл»* (659).

Попробуем с учётом широкого контекста эксплицировать все имплицитно присутствующие в высказывании смыслы, важные для понимания заложенных в нем аспектуально-акциональных значений: Ф.П. «*всё чаще думал*» (т. е. неоднократность политемпоральная!) о разного рода опасностях, беспокоился о том, что «*время идет, идет*», и этот факт усугублял опасность их (подпольщиков) положения. Вследствие этих тяжелых, тревожных дум, «*всё чаще*» посещающих его, не дающих уснуть, – поэтому, он «*ворочается на постели*», – «сон» всякий раз (т. е. политемпорально!), «*бежал от него*»... На политемпоральный характер действия указывают обстоятельства, отвечающие на вопрос: «*Как часто думал Ф.П. о «опасностях?»*» – «*всё чаще/арæхæй-арæхдæр*», ещё/*стæй ма ноджыдæр*». В первой части сложного предложения существенной для общей аспектуальной семантики всего высказывания является идея итеративного множества ситуаций, связанных с неоднократными размышлениями Ф.П. о возможных опасностях: «*всё чаще думал...*». Во второй части предложения, связанной с первой сочинительными (присоединительными) отношениями (союз «и») с дополнительным причинно-следственным смысловым компонентом, специальных указаний на итеративность действия, кроме формы НСВ глагола «*бежал*», нет, но содержательно и аспектуально первая часть предопределяет значение политемпорально кратного характера действия во второй: «сон» (всякий раз при очередных размышлениях Ф.П. – А.Л.) *бежал от него*. Русскому глаголу НСВ *бежал* в итеративном значении соответствует осетинский глагол в прошедшем времени *фæлыгди* (*фæлидзын/убежать*) с указанием дополнительно к результативному значению СВ на кратный характер действия благодаря приставке *фæ-* (букв.: *убегал* неоднократно. – А.Л.). Употребление другой приставки, скажем, *-а-*, уместной с точки зрения пространственной ориентации, дало бы значение *убежал от него/алыгди*. Употребление бесприставочной формы дает значение *бежал/лыгди*, но без итеративного смысла, а также теряется указание на однонаправленный характер действия, обязательный в данном контексте.

Таким образом, в осетинской версии выбор приставки *фæ-* закономерен: с ней у носителей языка ассоциировано значение повторности действия, закрепленное за этой приставкой в системе аспектуально-акциональных значений осетинских превербов.

Обращают на себя внимание и случаи соответствия осетинских приставочных глаголов с *фæ-* функционированию русских глаголов СВ в прошедшем времени в конкретно-фактическом типе употребления, в суммарной разновидности значения, когда на повторный характер действия указывают лексические средства, контекст, «сама же форма СВ не выражает значения кратности, обозначает единичный конкретный факт» [Бондарко, 1980, с. 608; Зализняк, Шмелев, с. 20]. Например:

1) «Я как посмотрела на степь, где мы **столько песен спели**⁴, да на этот закат, и еле слезы сдержала» (9) // «Уый бæрц бирæ зарджытæ цы тыгъд быдыры **фæкодтам**, уырдаем куы акастæн, æмæ ноджы хур куыд фæныгуылы, уымæ, уæд ма мæ цæссыгтæ тыххæй баурæдтон» (9).

Русской версии «спели столько песен» с глаголом СВ в суммарной разновидности конкретно-фактического типа употребления соответствует осетинская версия «уый бæрц бирæ зарджытæ фæкодтам...» (букв.: «так много песен *спели* (неоднократно)»). – А.Л.). То есть значение суммарности действия передается в осетинском варианте аналогично русскому не только лексически («так много/уый бæрц бирæ»), но и глаголом с приставкой *фæ-*, которая актуализирует значение кратности действия, обозначенного формой глагола СВ и подчеркнутого формой множественного числа актанта-объекта «зарджытæ/песен» как обобщённый факт.

2) «Хъыг ын уыди,...Стаценкойы хуызæн адæймаг, ома хицауадмæ хæстæг чи уыд, йæ минæвæрттимæ иумæ цæхх æмæ кæрдзын чысыл чи нæ **фæхордта** æмæ сын хорз рæстæджы чысыл чи нæ **фæдзырдта** козбау æмæ къаласы ныхæстæ, – уый ныртæккæ уыцы адæймаг тæрхонгæнæг кæй у сæ фæсаууон, сæхицæн сæхи сæрыл дзураг амал куы нæ ис, уæд, ахæм адæймаг кæй у, уый тыххæй» (94) // «Ему было обидно, что человек, подобный Стаценко, то есть приближенный к власти, немало хлеба-соли **съевиший** (в осет.: «**съел**». – А.Л.) с её представителями и **сказавший** в (осет.: «**сказал**». – А.Л.) им в хорошие времена немало льстивых витиеватых слов, – этот человек теперь осуждал этих людей, когда они не могли заступиться за себя» (75).

В русском языке глагольные формы – действительные причастия прошедшего времени СВ «**съевший**» и «**сказавший**» обозначают сами по себе конкретные единичные факты, но в контексте: «**съевший немало хлеба-соли с её представителями...**» и «**сказавший им в хорошие времена немало слов...**» есть указание на повторный характер действий с определенной периодичностью. Здесь также вполне возможны трансформации: *едал* с её представителями... и *говаривал* в хорошие времена, что подтверждает имплицитное присутствие итеративного смысла в высказывании. Вот почему в осетинском варианте оправдано употребление глагольных форм *фæхордта/съел* (неоднократно); *фæдзырдта/сказал* (неоднократно); с маркировкой значения повторности действия, но без эксплицирования его политемпоральности.

При необходимости выразить значение политемпоральной кратности в осетинском языке, как было сказано выше, используются средства грамматической категории кратности. И все оттенки смыслов итеративной (дискретной) политемпоральной неоднократности, выделенной В.С. Храковским в качестве третьего универсального семантического типа неоднократности [Храковский, 2001, с. 144 – 152], принадлежат именно сфере функционирования этой осетинской грамматической категории. Для общего понимания особенностей обозначения разных вариантов политемпоральной кратности действия в современном осетинском языке приведём лишь несколько примеров:

1) «Когда часовой **шёл** в направлении к нему, Виктор **замирал**, когда часовой **уходил**, Виктор **снова полз...**» (466) // «Часовой-**у** йе 'рдæм

куы *æрбацæйцъд*, уæд-*уу* Виктор *фегуыппæг*. Стæй-*уу* иннæрдæм куы *фæцæйцъд*, уæд та-*уу* размæ бырын райдыдта...» (595).

В русской версии значение итеративного множества, которое состоит из политемпорально повторяющихся событий, выражается кратно-соотносительной конструкцией (КСК) – сложным синтаксическим целым из двух частей, каждая из них представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным условия. По замечанию В.С.Храковского, специфическая особенность таких КСК заключается в том, что «в них преимущественно употребляются глагольные формы НСВ, что подчеркивает относительную самостоятельность взаимообусловленных ситуаций, образующих единый цельный эпизод» [Храковский, 2001, с.150].

В осетинской версии значение политемпорального повторения ситуаций также представлено КСК (правда, парцеллированной, но парцелляция никак не влияет на аспектуально-акциональные смыслы!). В отличие от русской версии, осетинский предикат в каждой из частей КСК эксплицирует те смыслы, которые в русских предикатах специально не маркированы, а именно:

– «*шёл/æрбацæйцъд-уу*» – глагол «*æрбацæйцъд/находился в движении*» благодаря специальной форме НСВ с инфиксом *-цæй-* содержит указание на конкретно-процессное значение (*intra terminos/между началом и концом*), а частица *-уу* – показатель политемпоральности, т. е. значения конкретной процессности действия (*in medias res/в середине течения*) и его политемпоральности выражены единой глагольной формой со специальными показателями, букв.: «*находился в движении по направлению «к нему» неоднократно*»;

– «*замирал/фегуыппæг-уу*» – форма «*фегуыппæг/замер*» – глагол общерезультативного СД, СВ в конкретно-фактическом употреблении, *-уу* – показатель политемпоральной кратности, букв.: «*замер неоднократно*»;

«*уходил/фæцæйцъд-уу*» – форма «*фæцæйцъд/находился в движении в противоположную сторону*» содержит указание на конкретно-процессное значение, *-уу* – показатель политемпоральной кратности, букв.: «*находился в движении в противоположную сторону неоднократно*»;

– «*(снова) полз/бырын райдыдта-уу*» – форма «*бырын райдыдта/начал ползти*» – глагол начинательного СД, СВ в конкретно-фактическом употреблении, *-уу* – показатель политемпоральной кратности, букв.: «*начал ползти неоднократно*».

2) «*Валю то знобило, то бросало в жаркий пот* (326) // *Валя-уу куы уазалæй гæртт-гæртт кодта, куы та-уу зынгау ссыгъди æмæ йæ сур хид акалд*» (409).

– «*Знобило/гæртт-гæртт-уу кодта*» – форма «*гæртт-гæртт кодта/дрожала*» – мультипликативный глагол дискретно-многоактного СД, НСВ в обобщенно-фактическом значении, *-уу* – показатель политемпоральной кратности, букв.: «*дрожала неоднократно*». В рамках единой лексемы совмещены значения двух разных семантических ти-

пов неоднократности – монотемпоральной мультипликативности и политемпоральной итеративности;

– «**ссыгъди-иу (сынгау)/бросало в пот**» – форма «ссыгъди/загорелась» – глагол начинательного СД, СВ в конкретно-фактическом употреблении; **-иу-** – показатель политемпоральной кратности, букв.: «загорелась как огонь (неоднократно)».

3) «Он хвалил заграничные кинокартины, хотя их не **видел**, и **мог** часами по несколько раз в день **перелистывать** заграничные журналы» (280) // «Уый септæлыди фæсарæйнаг кинонывтæй, кæд сæ-**иу** уынгæ дæр **нæ фæкодта**, уæддæр, æмæ-**иу** хъуамæ цалдæр сахатгай **рафæлдах-бафæлдах кодтаид** фæсарæйнаг журналтæ...» (353).

– «**Не видел/уынгæ-иу нæ фæкодта**» – форма «уынгæ нæ фæкодта/не увидел» – глагол общерезультативного СД, СВ в конкретно-фактическом употреблении; **-иу-** – показатель политемпоральной кратности, букв.: «не увидел неоднократно», близкое русскому «не видывал»;

– «**мог перелистывать/рафæлдах-бафæлдах-иу кодтаид/мог перелистывать**», – форма «рафæлдах-бафæлдах кодтаид» – глагол дис-кретно-суммарного СД, в сослагательном наклонении с модальным значением возможности, НСВ в обобщенно-фактическом употреблении; **-иу-** – показатель политемпоральной кратности, букв.: «мог перелистывать (неоднократно)». В рамках единой лексемы совмещены два разных семантических типа неоднократности: монотемпоральной дис-трибутивности и политемпоральной итеративности.

Заключение

Приведенные и многие другие примеры функционирования в современном осетинском языке грамматической категории кратности отражают такую организацию функционально-семантического поля аспектуальности (с двумя грамматическими категориями в ядре поля), при которой нет оснований для полярных точек зрения, как в русском языке: от утверждений о том, что политемпоральная итеративность – один из вариантов русского НСВ в его неограниченно-кратном типе употребления [Бондарко, 2002, с. 385; Маслов, 1959, с. 307 – 308; Падучева, 2013, с. 8; Шелякин, 1972, с. 125 – 126 и др.] до отрицания этого значения у граммемы НСВ: «У граммемы НСВ нет повторительного значения... Оно выражается в высказываниях с глагольной формой НСВ, но не граммемой НСВ, а средствами контекста» [Храковский, 2014, с.78].

В современном осетинском языке четко, с помощью средств двух грамматических (аспектуальных) категорий различается обозначение повторяющихся ситуаций, происходящих в один период времени, и политемпоральных повторяющихся ситуаций, каждая из которых соотносится со своим отдельным периодом времени. Вариантов соединения разных аспектуально-акциональных смыслов в рамках осетинской аналитической конструкции «глагол+иу» – граммемы категории политемпоральной кратности, безусловно, значительно больше, чем приведено нами в рамках данной статьи. Аналитический характер данной грамме-

мы позволяет эксплицировать значения, свойственные разным грамматическим категориям по типу «тривиального взаимодействия граммем разных категорий, когда две грамлемы двух разных категорий (и, тем самым, частные значения этих граммем) без ограничения сочетаются друг с другом в рамках глагольной словоформы...» [Храковский, Мальчуков, 2016, с. 64 – 65], причем на равных, так сказать, правах. А в русских версиях тех же высказываний «композиция» иная: налицо «имплицативная реализация граммем» [Плунгян, 2011, с. 46 – 47], когда употребление одной доминирующей грамлемы в определенном частном значении (в наших примерах в значении политемпоральной кратности) блокирует значение другой грамлемы (например, конкретно-фактического значения СВ), делает невозможным выражение сочетаний таких аспектуально-акциональных смыслов, которые наблюдаются в параллельных осетинских функционально-переводных высказываниях.

Приведенные нами примеры функционирования в современном осетинском языке глаголов в значении политемпоральной итеративной неоднократности подтверждают, с одной стороны, универсальность данного семантического типа неоднократности наряду с двумя другими монотемпоральными типами – дистрибутивной и мультипликативной, а с другой стороны, позволяют выделить не только «универсальную смысловую основу», но и «идиоэтнический интерпретационный компонент в значении языковых форм и категорий» [Петрухина, 2001, с. 56] – как способ представления смысла, определяемый данной языковой формой, как особую точку зрения на мир, как уникальный результат «интерпретации человеком объективных сущностей и отношений между ними» [Там же].

Примечания

¹Примеры здесь и далее приводятся по изданию: *Фадеев А.А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. Молодая гвардия. М.: Худ. лит-ра, 1970. 687 с. // Фадеев А.А. Аэрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад, 1953. 839 с. В круглых скобках при цитатах указаны страницы.*

²В осетинском языке политемпоральность действия обозначается грамматической категорией кратности [Левитская, 2007, с. 89]. Благодаря аналитическому характеру грамлемы кратности в осетинском возможен «тотальный охват всей глагольной лексики» [Маслов, 2004, с. 328] этим значением.

³Глагол «участвовать» – двувидовой. Как известно, для таких глаголов значение обычно устанавливается из контекста и поддерживается соседними глаголами с формально выраженным видовым значением. В нашем примере это глагол НСВ «*вспоминал*» в неограниченно-кратном типе употребления, подкрепленном обстоятельством интервала с неопределенной цикличностью – «*иногда*» и формой множественного числа имени в позиции актанта-дополнения – «*в войнах*». Эти аспектуальные значения как будто бы «перевешивают» в пользу значения НСВ, но, на наш взгляд, в его особом варианте – перфектной разновидности обобщенно-фактического употребления.

⁴Можно легко трансформировать без смысловых и аспектуальных потерь в вариант, «*где мы столько песен певали*»..., что подчеркивает имплицитное присутствие семы «кратного характера действия».

Список источников

- Бондарко А.В. (1980). Общая характеристика. Употребление видов. Категория времени // Русская грамматика. Т. I. М.: Наука. С. 582 – 583; 604 – 613; 626 – 636.
- Бондарко А.В. (2002). Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянских культур. 736 с.
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. (2000). Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры. 226 с.
- Левитская А.А. (2004). Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // ВЯ, № 1. С. 29–41.
- Левитская А.А. (2007). О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идиоэтнических факторов) // ВЯ, № 5. С. 89–107.
- Левитская А.А. (2019). Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: повторно-возвратный способ действия (в сопоставлении с русским языком) // Изв. ЮФУ. Филол. науки. №3. С. 21–33.
- Левитская А.А. (2020а). Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: дискретно-многоактный способ действия в сопоставлении с русским языком // Вестн. МГУ. Серия 9: Филология. № 2. С. 75–89.
- Левитская А.А. (2020б). Мультипликативные способы действия в современном осетинском языке: собирательно-многоактный и результативно-многоактный СД (в сопоставлении с русским языком) // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. № 196. С. 105–117.
- Маслов Ю.С. (1959). Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР. С. 157–312.
- Маслов Ю.С. (1978). К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 4–44.
- Маслов Ю.С. (2004). Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур. 840 с.
- Падучева Е.В. (2013). Русский имперфектив: инвариант и частные значения // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. 2013. №4. С. 7–18.
- Петрухина Е.В. (2001). Об универсальном и идиоэтническом компонентах языкового содержания // Исследования по языкознанию: сб. статей к 70-летию А.В. Бондарко. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 56–66.
- Плунгян В.А. (2011). Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 672 с.
- Фадеев А.А. (1953). Ёрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад. 839 с.
- Фадеев А.А. (1970). Собр. соч.: в 7 т., т. 3: Молодая гвардия. М.: Художественная литература. 678 с.
- Храковский В.С. (2001). Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность. М.: Эдиториал УРСС. С. 124–125.
- Храковский В.С. (2014). Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное / многократное / итеративное / узупольное / хабитуальное) значение? // ВЯ, № 4. С. 3–12.
- Храковский В.С., Мальчуков А.А. (2016). Взаимодействие и иерархия грамматических категорий глагола: введение в тему и типологическая анкета // ВЯ. №.6. С. 51 – 83.

Храковский В.С. (2018). И опять о «болевых точках» категории вида // ВЯ. № 1. С. 105–118.

Шелякин М.А. (1972). Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): дис.... д-ра филол. наук. Л. 660 с.

References

Bondarko A.V. (1980). General characteristics. The use of species. Category of time. *Russian grammar. Vol. I*. Moscow: Nauka, pp. 582-583; 604-613; 626-636. (In Russian).

Bondarko A.V. (2002). *The theory of meaning in the system of functional grammar*. Moscow: Languages of Slavic cultures, 736 p. (In Russian).

Fadeev A.A. (1953). *Ærygon guardi. Dzæudzhikhæu: Tsægat Iristony chinguyty rauag'dad*, 839 p. (In Ossetian).

Fadeev A.A. (1970). *Collected works: in 7 volumes, vol. 3: Young Guard*. Moscow: Fiction, 678 p. (In Russian).

Khrakovsky V.S. (2001). Multiplicity. *Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization*. Moscow: Editorial URSS, pp. 124-125. (In Russian).

Khrakovsky V.S. (2014). Does the imperfect species in Russian have a repetitive (unlimited-multiple/multiple/iterative/usual/habitual) meaning? *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 3-12. (In Russian).

Khrakovsky V.S., Malchukov A.A. (2016). Interaction and hierarchy of grammatical categories of the verb: introduction to the topic and typological questionnaire. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp.51-83. (In Russian).

Khrakovsky V.S. (2018). And again about the “pain points” of the category of the species. *Voprosy yazykoznaniya*, № 1, pp.105-118. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2004). Aspectuality in the Ossetian language: genetic prerequisites, areal connections, typological similarity. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 1, pp. 29-41. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2007). On species inconsistency in the modern Ossetian language (the influence of universal and idio-ethnic factors). *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 89-107. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2019). Multiplicative modes of action in the modern Ossetian language: repeated-return mode of action (in comparison with the Russian language). *Proceeding of Southern Federal University. Philology*, no. 3, pp.21-33. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2020a). Multiplicative modes of action in the modern Ossetian language: discrete-multi-act mode of action in comparison with the Russian language. *Bulletin of Moscow State University. Series 9: Philology*, no. 2, pp.75-89. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2020b). Multiplicative methods of action in the modern Ossetian language: collective-multi-act and effective-multi-act SD (in comparison with the Russian language). *Bulletin of RSPU of A.I. Herzen*, №196, pp.105-117. (In Russian).

Maslov Yu.S. (1959). The verb form in the modern Bulgarian literary language (meaning and use). *Questions of the grammar of the Bulgarian literary language*. Moscow: Publishing house of ANSSSR, pp. 157-312. (In Russian).

Maslov Yu.S. (1978). *On the foundations of comparative aspectology. Questions of comparative aspectology*. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University, pp. 4-44. (In Russian).

Maslov Yu.S. (2004). *Selected Works. Aspectology. General linguistics*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 840 p. (In Russian).

Paducheva E.V. (2013). Russian imperfective: invariant and particular values. *Bulletin of Moscow State University. Ser. 9 Philology*, no. 4, pp. 7-18. (In Russian).

Petrukhina E.V. (2001). On the universal and idioethnic components of linguistic content. *Studies in linguistics. Collection of articles for the 70th anniversary of A.V. Bondarko*. St.Petersburg, Publishing house of SPbSU, pp. 56-66. (In Russian)

Plungyan V.A. (2011). *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages of the world*. Moscow: RGGU, 2011. 672 p. (In Russian).

Shelyakin M.A. (1972). *Prefix methods of verbal action and the category of the species in modern Russian (to the theory of the functional-semantic category of aspectuality)*: dissertation of the Doctor of Philology. Leningrad, 660 p. (In Russian).

Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. (2000). *Introduction to Russian Aspectology*. Moscow: Languages of Russian culture, 226 p. (In Russian)

Информация об авторе

Левитская Алина Афакоевна – канд. филол. наук, доцент, руководитель отдела культурного наследия, 54alina.levitskaya@gmail.com

Information about the author

Alina A. Levitskaya – Ph.D. of Philology, Associate Professor, head of cultural heritage department, 54alina.levitskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 03.07.2021; одобрена после рецензирования 30.09.2021; принята к публикации 30.09.2021.

The article was submitted 28.07.2021; approved after reviewing 30.09.2021; accepted for publication 30.09.2021.